

Л. Н. Мазур

**ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI В.***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143

УДК 94(571)“1930”

ББК 63.3(253)614

В статье анализируется демографическая динамика Екатеринбурга по материалам переписей населения с 1897 по 2010 гг. В качестве дополнительного источника по переписи 1959 г. использованы не только ее итоги, но и база данных, составленная на основе переписных бланков, сохранившихся в Государственном архиве Свердловской области. Изучены изменения в поло-возрастной структуре населения, а также в национальном составе. Особое внимание уделено характеристике особенностей семейно-брачного поведения и связанных с ним процессов: брачности, рождаемости, разводимости. На основе анализа динамических рядов были уточнены основные этапы демографического перехода и охарактеризована их специфика. Особенностью демографического перехода Екатеринбурга были растянутый начальный этап, который занял в целом около 100 лет, стремительный переломный второй этап (1940–1950-е гг.), связанный с утверждением модели простого воспроизводства, и продолжительный третий этап (1960–2010-е гг.), когда основная тенденция, связанная со старением населения, сглаживается за счет притока мигрантов из трудоизбыточных регионов. Следует подчеркнуть роль внешней миграции в поддержании высоких темпов роста населения города. Среди факторов, определявших демографические процессы, рассмотрен также административный ресурс, который способствовал развитию экономики города и формировал запрос на прирост населения.

Ключевые слова: *Екатеринбург, Свердловск, население, поло-возрастная структура, национальный состав, семья, семейно-брачное поведение, административный статус, XX век*

В 2023 г. Екатеринбург¹ отмечает 300-летие. За это время он несколько раз менял свой статус и, преодолев планку провинциальности, вышел за пределы статистических закономерностей эволюции уездных городов. Судьба Екатеринбурга с этой точки зрения уникальна и позволяет предположить наличие определенных факторов накопления инновационного потенциала, обусловивших устойчивость города как системы и его поступательное развитие в разных исторических условиях.

История Екатеринбурга получила отражение в ряде обобщающих трудов, статей и монографических изданий, опубликованных во второй половине XX — начале XXI в.² Особый

интерес представляют энциклопедические издания.³ В 2002 г. была опубликована «Энциклопедия Екатеринбурга», включившая как исторические факты (хронику истории города), так и описание географических, топонимических и архитектурных объектов.⁴

В целом появление энциклопедических статей и справочных изданий, посвященных Екатеринбургу, свидетельствует о накопленном фактографическом багаже, позволяющем реконструировать богатую событиями историю города. На очереди стоят задачи осмысления исторического пути Екатеринбурга и особенностей формирования его человеческого потенциала, что лежит в плоскости комплексного историко-демографического и социально-экономического анализа. Среди работ, посвященных демографической истории Екатеринбурга, следует отметить труды А. И. Кузьмина, А. Г. Оруджиевой, Г. Е. Корнилова, Е. М. Главацкой и ряда других исследователей.⁵

¹ С 1924 по 1991 г. город назывался Свердловск.

² См.: Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; Корепанов Н. С. Очерки истории Екатеринбурга. Екатеринбург, 2004; Корепанов Н., Блинов В. Город посредине России. Ека-

Мазур Людмила Николаевна — д.и.н., заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: LN.Mazur@urfu.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга — Свердловска)» (рук. Е. М. Главацкая)

теринбург, 2005; Екатеринбург. Листая страницы столетий (1723–2008). Екатеринбург, 2008; Екатеринбург: исторические очерки (1723–1998 гг.). Екатеринбург, 1998; Вехи истории. К 250-летию Свердловска. Свердловск, 1973; Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958; и др.

³ См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

⁴ См.: Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

⁵ См., напр.: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского

Цель данной статьи — опираясь на анализ статистических показателей, охарактеризовать основные тенденции и особенности демографического развития Екатеринбурга в условиях модернизации.

Наиболее полно социально-демографическая структура населения города представлена в материалах переписей, которые позволяют комплексно охарактеризовать его на макро- и микроуровне, выявить особенности и оценить динамику. Однако проблема состоит в том, что проведение всеобщих переписей населения в нашей стране началась относительно поздно — в конце XIX в.

В качестве источников изучения демографической динамики Екатеринбурга — Свердловска в статье были использованы официальные итоги переписей населения 1897–2010 гг., а также база данных «Население Свердловска. 1959 г.», составленная на основе опросных листов переписи 1959 г., сохранившихся в архиве.⁶

Екатеринбург: административная траектория и динамика численности населения

К числу наиболее значимых факторов демографического развития Екатеринбурга можно отнести:

— географическое положение, которое обусловило его развитие как горнозаводского центра, расположенного на границе двух континентов в среднем сегменте Уральских гор. Промышленная специализация способствовала росту экономики города и формированию соответствующей профессиональной структуры населения. «Срединное» положение объективно ставило город в центр межконтинентальных и межрегиональных перемещений, обеспечивая оптимальный режим доступности и формируя столичные притязания;

— политику государства, ориентированную на укрепление обороноспособности страны и развитие оборонно-промышленной специали-

зации города. Государство на протяжении всей истории Екатеринбурга поддерживало рост его промышленного потенциала и создание необходимой социальной инфраструктуры, хотя это не исключало возможность деформации городской среды;

— разнообразие источников формирования городского населения, среди которых большую роль играла миграция;

— административный ресурс, которым обладал город буквально с первых лет своего существования, что определяло его роль как центра притяжения значительной территории, размеры которой постоянно росли.

Демографическая динамика города в сочетании с изменением его административного статуса представлена в таблице 1. Обращают на себя внимание высокие темпы роста населения Екатеринбурга: за XVIII в. (от момента строительства завода до получения им статуса уездного города) оно выросло почти в 2 раза. В течение следующих полутора веков (конец XVIII — начало XX в.) население Екатеринбурга увеличивалось в 1,5 раза каждые 30 лет. Мощный рывок город сделал в 1930-е гг.: к 1939 г. по сравнению с 1917 г. (то есть за 20 лет) население выросло почти в 6 раз. Положительная динамика наблюдается и в последующие годы, несмотря на военные потери. Только в условиях кризиса 1990-х гг. происходит сокращение численности населения, которое сменяется новым приростом в 2010-е гг., когда был преодолен полуторамиллионный рубеж.

Таким образом, среди наиболее значимых факторов формирования человеческого потенциала Екатеринбурга следует выделить его постоянно наращиваемый административный ресурс, способствовавший развитию экономики и городской среды, а также росту демографического потенциала.⁷ Наиболее активный период роста приходится на XX в. — время масштабных перемен, затронувших все сферы жизнедеятельности российского общества.

Екатеринбург в условиях демографического перехода

Начало демографического перехода в России и Екатеринбурге, в частности, приходится на вторую половину XIX в., когда бла-

государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100; Корнилов Г. Е. Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 94–107; Бобицкий А. В. Население Екатеринбурга по результатам однодневной переписи 1873 г.: опыт и перспективы использования источника // Парадигмы и модели демографического развития: сб. статей XII Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2021. Т. 1. С. 31–39; Мокеров И. П., Сулопаров Д. Г. Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее). Екатеринбург, 1996; Брачность в Екатеринбурге начала XX в.: квантитативный анализ / Главацкая Е. М. [и др.] // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 104–121.

⁶ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 23–24.

⁷ См. подробнее: Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития: сб. статей XII Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2021. Т. 1. С. 95, 96.

Таблица 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА
В XVIII — НАЧАЛЕ XXI в.

Год	Население, чел.	Темпы роста в сравнении с предшествующим уровнем, %	Административный статус
1724	(4 000?)		Завод-крепость, с 1745 г. Екатеринбургский посад
1781	7 969	199,2	Уездный город (с 1781 г.)
1807	10 023	125,8	Горный город (с 1807 г.)
1836	14 973	149,4	
1869	25 035	167,2	Уездный город (с 1863 г.)
1897	43 239	172,7	
1917	71 590	165,6	Губернский город (с 1919 г.)
1926	136 420	190,6	Центр Уралобласти (с 1923 г.)
1939	425 533	311,9	Центр Свердловской области (с 1934 г.)
1945	489 400	115,0	Город республиканского подчинения (с 1943 г.)
1959	778 602	159,1	
1970	1 025 045	131,6	Мегаполис**
1979	1 211 172	118,2	
1989	1 364 621	112,7	
2002	1 293 537	94,8	Центр УрФО (с 2000 г.)
2010	1 349 772	104,3	
2020	1 526 005	113,0	

* Составлено по: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100; Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1874. С. 1–6; Итоги переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. // Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 10.02.2021).

** Мегаполис — крупный город, образовавшийся в результате слияния нескольких городских агломераций, с населением более 1 млн человек (Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 1999).

годаря развитию медицины и образования, формированию социально ориентированной городской среды наметились сдвиги в режиме воспроизводства городского населения: снизилась смертность, выросла средняя продолжительность жизни. За 27 лет с 1870 по 1897 г. численность населения города увеличилась в 1,7 раза, преимущественно за счет миграции. По подсчетам А. И. Кузьмина и А. Г. Оруджиевой, «за 1860–1900 гг. миграционный прирост населения составил 34 964 чел., тогда как естественный — всего 584 чел.»⁸ Город на протяжении всей своей истории поддерживал простое воспроизводство поколений, опираясь на внутренние ресурсы, но рос он за счет мигрантов.

Низкий естественный прирост выступает характерной чертой традиционной модели воспроизводства: высокая смертность (особенно младенческая) компенсируется высокими по-

казателями рождаемости при низкой средней продолжительности жизни, не превышавшей 30–35 лет. Такая модель демографического поведения фиксируется в городах Урала, в том числе в Екатеринбурге, вплоть до середины XX в. и сменяется современным режимом воспроизводства (низкая рождаемость, низкая смертность, средняя продолжительность жизни 60–80 лет) в 1960–е гг.

Особенностью демографического перехода в России было то, что он протекал на фоне демографических катастроф, деформировавших процессы естественного движения населения и семейно-брачное поведение.⁹ Прежде всего следует отметить, что демографическая катастрофа начала XX в. (Первая мировая война, затем Революция 1917 г. и Гражданская война)

⁸ Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Указ. соч. С. 96.

⁹ См.: Мазур Л. Н. Демографические катастрофы как фактор трансформации крестьянской семьи в России первой половины XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 168–187.

Таблица 2

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — XX В.*

Год	Всего	Мужчины		Женщины	
		чел.	%	чел.	%
1870	25 133	13 520	53,8	11 613	46,2
1897	43 239	20 193	46,7	23 046	53,3
1926	136 420	65 082	47,7	71 338	52,3
1939	425 533	195 657	46,0	229 876	54,0
1959	778 602	345 932	44,4	432 670	55,6
1970	1 025 045	447 757	43,7	577 288	56,3
1979	1 211 172	548 899	45,3	662 273	54,7
1989	1 364 621	622 407	45,6	742 214	54,4
2002	1 293 537	584 573	45,2	708 964	54,8
2010	1 349 772	603 360	44,7	746 412	55,3

* Составлено по: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Указ. соч. С. 95–100; Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1874. С. 1–6; Итоги переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг.; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Т. 38. Отд. 3. М., 1930. С. 180, 181.

нарушила поло-возрастной баланс, а применительно к гендерной структуре населения Екатеринбурга усилила его. Специфика горнозаводского Урала была непосредственно связана с повышенной мужской смертностью, что фиксируется в материалах переписи 1873 и 1897 гг.¹⁰

Гендерные диспропорции приобрели необратимый характер под влиянием военных потерь в годы Великой Отечественной войны. Если в 1939 г. разница между женским и мужским населением города составляла 34 219 чел., то в 1959 г. разрыв был 86 738 чел. (то есть вырос в 2,5 раза), в 1989 г. — 119 807 чел., а в 2010 г. — 143 052 чел. (табл. 2). В целом вплоть до конца XX в. последствия демографических катастроф не были компенсированы, формируя неблагоприятный фон для семейно-брачных отношений.

Семья и семейно-брачное поведение жителей Екатеринбурга

Семья находится в центре демографической модернизации и непосредственно реагирует на ее вызовы снижением рождаемости и дестабилизацией институциональных основ. Брачное состояние населения Екатеринбурга, которое зафиксировали переписи населения (см. табл. 3), свидетельствует о нарастающих изменениях в семейных отношениях.

Для традиционной семьи и соответствующей модели семейно-брачного поведения характерны высокий уровень брачности и ста-

бильность брака, расторгнуть который можно было только в исключительных случаях с разрешения церкви. Так, например, по материалам первой переписи населения в 1897 г., удельный вес находящихся в браке жителей Екатеринбурга составил 49,4 %, разведенных — 0,2 % (по отношению к численности населения в возрасте 16 лет и старше), в 1926 г. 59,3 % и 1,8 % соответственно.¹¹ Причина роста числа разводов была непосредственно связана с реформами в сфере семейных отношений, проведенными советской властью в числе первых своих мероприятий. 16 декабря 1917 г. был принят декрет, который разрешал развод по заявлению одной из сторон, то есть существенно упрощал процедуру.¹²

Семья оказалась в фокусе перемен как по объективным, так и по субъективным причинам, но ее перестройка шла циклично. За периодом активного реформирования, проводимого под лозунгом освобождения женщин от «кухонного рабства» (1920-е гг.), наступает время традиционалистского отката (1930-е гг.), когда политический компас был обращен в сторону укрепления семейных ценностей, роста рождаемости и обеспечения стабильности брака. В частности, указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. были внесены изменения в законы о браке, семье и опеке, лишавшие юридических

¹⁰ См., напр.: Бобицкий А. В. Указ. соч.

¹¹ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 31. С. 101; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930. Т. 38. Отд. 3. С. 82, 83.

¹² См.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4988.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА В ВОЗРАСТЕ 16 ЛЕТ И СТАРШЕ ПО СЕМЕЙНОМУ СОСТОЯНИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ)*

Год	Семейное состояние											
	Холостые и девицы		Состоящие в браке		Вдовы		Разведенные		Не указавшие семейного состояния		ИТОГО	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1897	5 550	5 580	7 990	7 322	740	3 689	19	28	28	42	14 327	16 661
1926	14 064	11 735	29 756	27 152	1 029	10 016	335	1 438	192	181	45 376	50 522
1959	нет свед.	нет свед.	166 272	167 869	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	250 408	339 464
1970	нет свед.	нет свед.	232 941	242 648	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	нет свед.	325 064	459 118
1979	103 023	118 388	288 053	283 625	7 208	87 637	21 094	51 254	448	528	419 826	541 432
1989	106 950	111 501	318 860	322 735	10 477	92 927	26 956	63 200	1 723	1 578	464 966	591 941
2002	137 050	149 746	289 063	293 128	14 252	93 814	33 484	76 537	5 936	5 473	479 785	609 698
2010	127 589	131 883	289 183	292 383	13 500	94 823	25 801	68 258	43 655	54 305	505 128	652 434

* Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Погубернские итоги в 89 т. СПб., 1904. Т. 31. С. 18, 36; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 38. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. М., 1930. С. 82, 83; Екатеринбург от переписи к переписи. Накануне 285-летия (по итогам переписей населения): статистический сборник. Екатеринбург, 2007. С. 36; Итоги переписи населения 2010 г. по Свердловской области. Т. 2, табл. 5. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/34568>.

прав супругов, живших в незарегистрированном («фактическом») браке, и усложнявшие процедуру развода. Эта политика «укрепления семьи» продолжалась и в послевоенное время, вплоть до принятия нового Семейного кодекса в 1969 г. Эффект от мероприятий власти был непродолжительным: число разводов продолжало расти, рождаемость падала, число детей в семье сокращалось, хотя показатель состояния в браке сохранялся на уровне 1926 г.

В демографическом развитии города особо выделяется хронологический отрезок с 1939 по 1959 гг.: на него приходится вторая стадия демографического перехода. Война усилила имевшийся поло-возрастной дисбаланс, изменила традиционные модели семейно-брачного поведения, утвердив стандарт неполной семьи, ускорила формирование кризисного типа демографического потенциала (соотношения доли молодежи и стариков в структуре населения). В результате в течение очень короткого срока — двадцати лет — произошла смена режима воспроизводства.

В таблице 4 представлены поло-возрастная структура и состояние в браке населения Свердловска по материалам переписей 1939 и 1959 гг. По итогам переписей наблюдаются сокращение удельного веса возрастной группы

детей (до 15 лет) с 28,8 % в 1939 г. до 21,96 % в 1959 г. и рост доли возрастной группы «60 лет+» с 4,5 % до 6,5 %. И в 1939, и в 1959 гг. в структуре населения преобладала возрастная группа 20–40 лет (42,4 % в 1939 г. и 40,0 % в 1959 г.) при постепенном росте значения среднего возраста (с 25,7 лет в 1939 г. до 29,1 года в 1959 г.).

Кризисные моменты в семейно-брачной сфере иллюстрирует показатель брачности: в 1939 г. он составил 59,1 %, в 1959 г. снизился до 42,9 %, затронув прежде всего женщин. Если доля мужчин в возрасте старше 16 лет, состоящих в браке, оставалась на протяжении изучаемого периода примерно на одном уровне (65–66 %), то доля женщин сократилась на 5 % и равнялась в 1959 г. 49,3 % (см. табл. 4).

Еще более серьезные разрывы характерны для отдельных возрастных групп. В 1959 г. из 1 000 мужчин в возрасте от 30 до 69 лет более 900 чел. (то есть практически все) состояли в браке. У женщин ситуация совсем другая: из 1 000 человек в возрасте 30–40 лет только две трети состояли в браке, 40–50 лет — около половины; 50–60 лет — одна треть, а в возрасте старше 60 лет — не более 10 %.¹³

¹³ См.: Население Свердловской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.): статистический сборник. Свердловск, 1962. С. 13.

Таблица 4

СВЕРДЛОВСК В ПОКАЗАТЕЛЯХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1939 И 1959 ГГ.*

Показатель	Итоги переписи 1939 г.		Итоги переписи 1959 г.		Темп прироста, %
	Абс., чел.	%	Абс., чел.	%	
Общая численность населения	425 533	100	778 602	100	83,0
<i>В том числе по полу</i>					
Мужчины	195 657	46,0	345 932	44,4	76,8
Женщины	29 876	54,0	432 670	55,6	88,2
<i>В возрасте</i>					
До 7 лет	68 009	16,0	107 100	12,0	37,4
8–10 лет	29 493	6,9	38 400	4,9	30,2
11–14 лет	25 185	5,9	38 600	5,0	53,3
15–19 лет	41 925	9,9	67 800	8,7	61,7
20–29 лет	104 852	24,7	182 657	23,5	74,2
30–39 лет	75 481	17,7	128 689	16,5	70,5
40–49 лет	37 201	8,7	95 080	12,2	155,6
50–59 лет	24 054	5,7	69 715	9,0	189,8
60 лет и старше	19 223	4,5	50 751	6,5	163,9
Не указано	100	0,0	25	0,0	-75,0
<i>Состоят в браке в возрасте 16 лет и старше:</i>					
Всего		59,1	334 141	42,9	
Мужчины	251 490	65,5	166 272	66,4	32,9
Женщины		54,0	167 869	49,3	

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 340–367; Население Свердловской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.): статистический сборник. Свердловск, 1962. С. 10, 13, 21, 31, 36, 41; Екатеринбург от переписи к переписи. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: статистический сборник. Екатеринбург, 2007. С. 39.

В результате, в семейной структуре населения Свердловска в послевоенный период растет число неполных семей, одиноких женщин, что, в свою очередь, отражается на динамике рождаемости. В 1959 г., по данным естественной выборки,¹⁴ средняя численность семьи в г. Свердловске составила 2,3 чел.; преобладали семьи из 2–4 человек (49,3%); удельный вес неполных семей достиг 62,7%, одиноких — 16,2% и раздельно проживающих семей (военнослужащих, студентов и т. д.) — 29,0%. Соответственно, 63,8% семей не имели детей в возрасте до 18 лет, 24,2% — имели 1 ребенка, 12,1% — 2 и более детей. Среднее число детей до 18 лет составило 1,12 чел.

Переписи 1979, 1989 и 2002 гг. фиксируют вновь высокий удельный вес состояния в браке среди населения в возрасте с 16 лет (1979 г. — 59,5%, 1989 г. — 60,7%, 2002 г. — 53,4%). Снижение уровня брачности фиксируется только в начале XXI в. Эта особенность — высокий

уровень брачности — была отмечена А. Авдеевым как специфическая черта семейно-брачного поведения россиян.¹⁵ Одновременно растет удельный вес разведенных (1979 г. — 7,5%, 1989 г. — 8,5%, 2002 г. — 10,1%), и хотя данный показатель не отражает в полной мере масштабы разводимости, он иллюстрирует тенденцию роста числа людей, расторгнувших брак (см. табл. 3).

К числу общих закономерностей демографического перехода можно отнести сокращение размеров городской семьи, главным образом за счет снижения рождаемости. В 1920–1930-е гг. в Свердловске женщины в среднем рожали 4–5 детей. В 1960-е гг. этот показатель снижается почти в 3 раза (табл. 5), то есть происходит смена режима воспроизводства и утверждается модель современной семьи с 1–2 детьми.¹⁶

¹⁴ Подсчитано по: БД «Свердловск. Перепись населения 1959 г.» // ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 23–24. Выборка составила 2 079 семей, проживающих в Октябрьском районе Свердловска и зафиксированных в ходе переписи 1959 г.

¹⁵ См.: Авдеев А. А. Браки и разводы в России // Народонаселение. 1998. № 2. С. 3–13; 1999. № 1. С. 27–43. URL: https://www.researchgate.net/publication/303190500_Braki_i_razvody_v_Rossii_Narodonaselenie_1998_No2_s3-13_i_1999_No1_s27-43 (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁶ См.: Население Урала. XX век. Екатеринбург, 1996. С. 65.

Таблица 5

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В СВЕРДЛОВСКЕ. 1926–1994 ГГ.*

Год	Коэффициент рождаемости у женщин Свердловска в возрасте 15–49 лет, ‰	Среднее число детей на одну женщину
1926	132,0	4–5
1939	116,7	3,28
1959	55,6	1,63
1970	44,9	1,44
1979	46,0	1,40
1989	48,1	1,57
1991	36,9	1,24
1994	30,5	1,09

* Составлено по: Население Урала. XX век. Екатеринбург, 1996. С. 65.

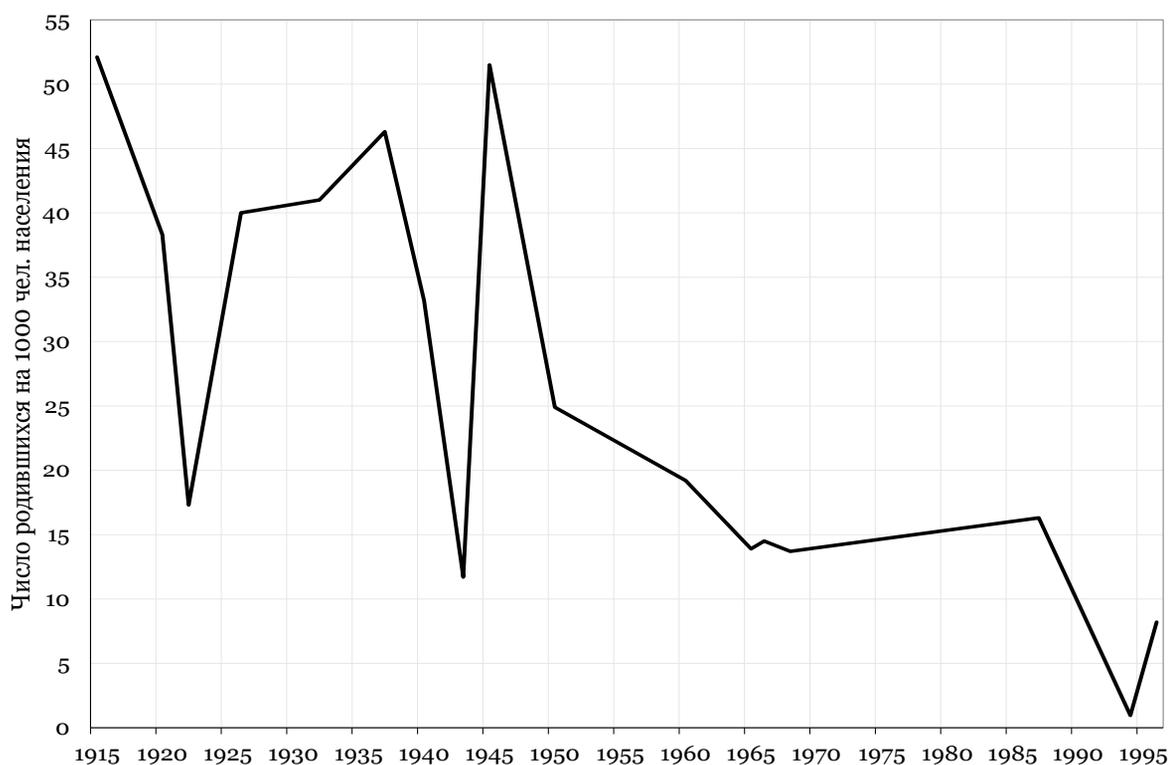

Рис. 1. Динамика рождаемости в Екатеринбурге (Свердловске) в XX в.

Очень неровную динамику демонстрирует показатель рождаемости, чутко реагируя на кризисные периоды: Гражданскую войну, голод 1922–1923 и 1932–1933 гг., Великую Отечественную войну (рис. 1). Если в 1917 г. рождаемость в Екатеринбурге составила 52,1 ‰ (число рождений на 1000 жителей), то в 1922 г. она упала до 17,3 ‰. В 1926 г. рождаемость в городе вновь достигла 40,0 ‰; в 1932 г. ее значение было 41 ‰, в 1943 г. — 11,7 ‰, в 1945 г. — 51,5 ‰. В 1950-е гг. показатель ро-

ждаемости начинает резко падать, достигнув в 1968 г. отметки в 13,7 ‰, в 1987 г. — 16,3 ‰, в 1994 г. — 0,96 ‰, в 1996 г. — 8,2 ‰.¹⁷

Не менее показательным является средний размер семьи-домохозяйства, который по переписи 1897 г. в Екатеринбурге составлял 5,4 чел., обеспечивая расширенное воспроизводство населения. Но уже в 1939 г. данный показатель снизился до 3,3 чел., а к началу

¹⁷ См.: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Указ. соч. С. 100.

Таблица 6

СРЕДНИЙ СОСТАВ СЕМЬИ-ДОМОХОЗЯЙСТВА ЕКАТЕРИНБУРГА В 1897–2010 ГГ.

Год	Одинокие	Число членов семьи-домохозяйства, чел.					Средний размер семьи, чел.
		2	3	4	5	6 и более	
1897	736	1 638	1 406	1 111	931	1 626	5,4
1939	27 780	27 646	27 426	21 384	12 641	9 862	3,3
1979	Нет св.	99 794	108 055	78 199	23 709	8 925	3,2
1989	98 024	129 617	111 048	93 837	27 825	10 858	3,2
2002	119 508	141 411	123 576	79 842	22 561	10 086	2,6
2010	149 389	163 721	128 622	75 224	22 940	11 509	2,5

* Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Погубернские итоги в 89 т. СПб., 1904. Т. 31. С. 6–9; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 38: [таблицы]. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. М., 1930. С. 82, 83; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 342; Население Екатеринбурга от переписи до переписи. Екатеринбург, 1993. С. 18–20; Екатеринбург от переписи к переписи. Накануне 285-летия (по итогам переписей населения): статистический сборник. Екатеринбург, 2007. С. 36; Всероссийская перепись населения 2010 года по Свердловской области. Т. 6: Число и состав домохозяйств. Табл. 2. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/34568>.

XXI в. сократился до 2,6 чел., соответствуя режиму суженного воспроизводства (табл. 6).

Одновременно в абсолютных и относительных значениях в составе городского населения росла численность одиноких (в 1897 г. — 2,4 %, 1939 г. — 6,6 %, 1989 г. — 9,3 %, 2010 г. — 12,9 %), а в семейной структуре населения города стали преобладать малые семьи нуклеарного типа из 2–4 человек (см. табл. 6). В 1897 г. их доля составила 55,8 %, в 1939 г. — 60,3 %, в 1989 г. — 71,0 %, в 2010 г. — 66,7 %.

Помимо снижения рождаемости почти в три раза сократилась смертность: в 1917 г. смертность в Екатеринбурге в расчете на 1 000 чел. составила 32,3 случая (‰), в 1955 г. — 5,5 ‰.¹⁸ Естественный прирост населения, аккумулируя эти влияния, до 1940 г. снижается (в 1926 г. — 16,3 ‰, в 1940 г. — 12,0 ‰). Затем после непродолжительного роста в послевоенные годы (1950 г. — 15,0 ‰) он снова начинает падать, достигнув в 1965 г. 8,0 ‰ (рис. 2).

Уровень и динамика демографических показателей во многом определялись возрастной структурой населения города. В первой половине XX в. среди жителей Екатеринбурга фиксируется высокий удельный вес детей и молодежи. По переписи 1897 г., доля екатеринбуржцев в возрасте до 19 лет составила 40,6 % (пожилых, старше 60 лет, всего 7,3 %), в 1926 г. — 39,0 %, в 1939 г. — 32,4 %.¹⁹ Преобладание молодежи в

структуре городского населения подтверждают также показатели среднего возраста, который на протяжении конца XIX — первой половины XX в. не превышал 30 лет.

В послевоенный период набирает обороты встречный процесс, характерный для завершающей стадии демографического перехода, — постепенное старение населения города, перемещение модальных групп на средний и старший возраст. В 1959 г. доля свердловчан в возрасте до 19 лет сократилась до 24 %, в 1979 г. — до 20 %, в 1989 г. — до 21,1%. Напротив, удельный вес лиц старше 60 лет вырос в 1959 г. до 6,5 %, в 1970 г. — до 10,1 %, в 1989 г. — до 17 %.²⁰

Динамика средней продолжительности жизни населения города представлена на рис. 3. Если в первой половине XX в. она не превышала 30–40 лет, то к 1959 г. составила у мужчин 63,8 года, у женщин — 72,1 года, достигнув максимума к 1989 г. (соответственно 66,7 и 74,4 года). Динамика средней продолжительности жизни горожан позволяет зафиксировать переломный момент, который приходится на послевоенное время и свидетельствует о принципиальных сдвигах в жизни советского города.

Таким образом, анализ динамических рядов показателей движения населения, в том числе брачности, рождаемости, смертности, разводимости, позволяет уточнить этапы демографического перехода для Екатеринбурга:

— начальный этап (вторая половина XIX в. — 1930-е гг.) занял около 100 лет и в целом связан

¹⁸ См.: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Указ. соч. С. 97.

¹⁹ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 1904. Т. 31. С. 10, 11; Список населенных мест Свердловского округа. Свердловск, 1928. С. 240, 241; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область: [таблицы]. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. М., 1930.

Т. 38. С. 180. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 341.

²⁰ См.: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Указ. соч. С. 97.

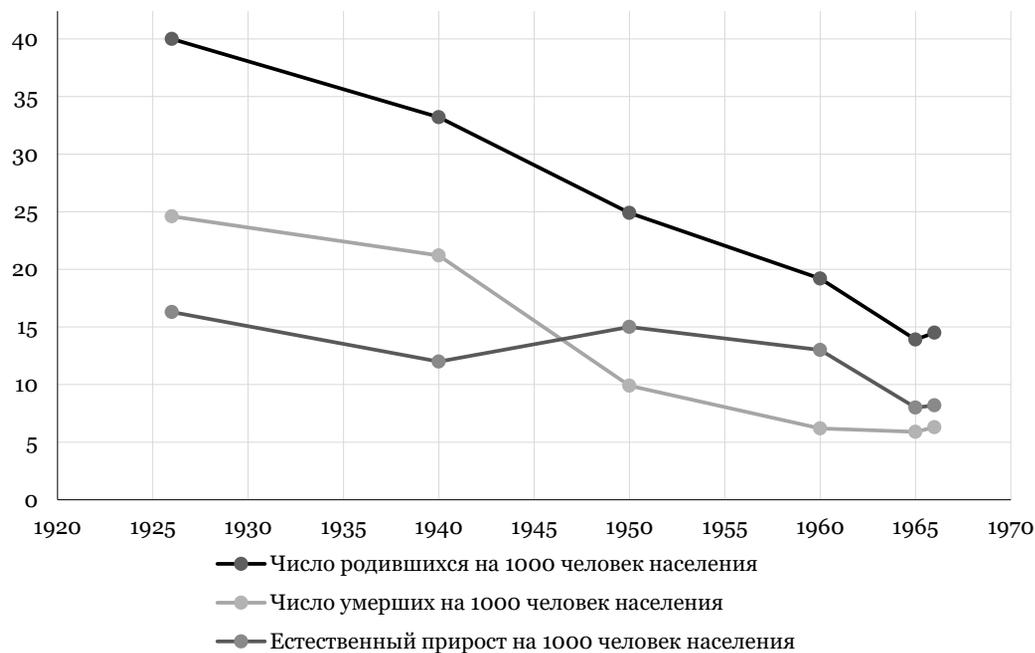

Рис. 2. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения Свердловска. 1926–1965 гг. (составлено по: Народное хозяйство Свердловской области. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции: статистический сборник. Свердловск, 1967. С. 138)

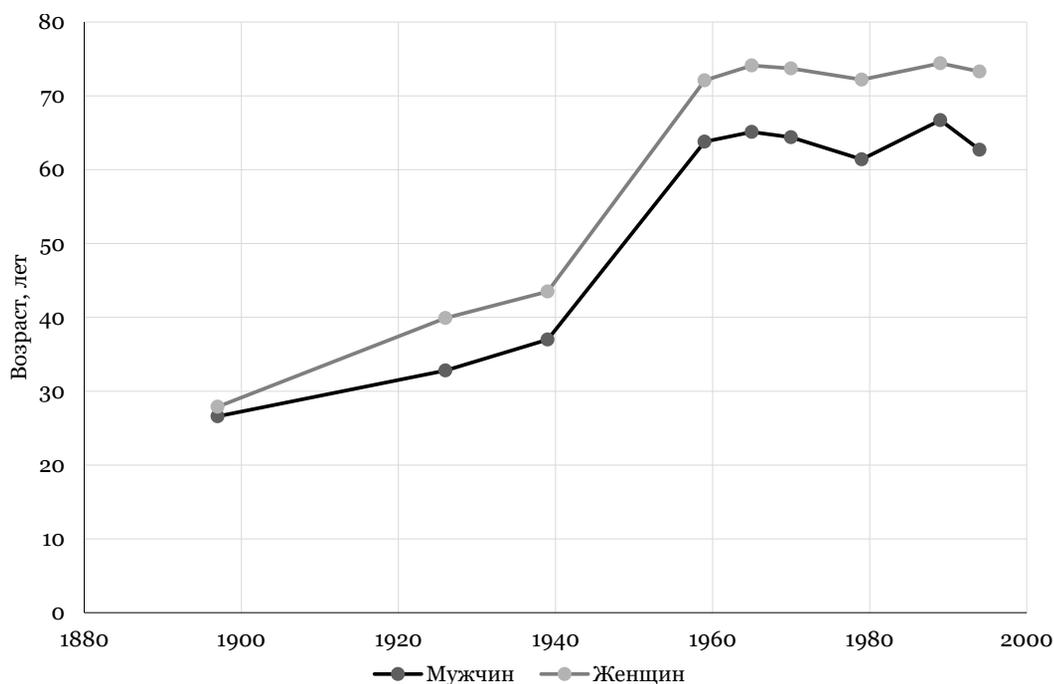

Рис. 3. Средняя продолжительность жизни жителей Екатеринбурга в 1897–1994 гг. (составлено по: Народное хозяйство Свердловской области. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции: статистический сборник. Свердловск, 1967. С. 99)

с сохранением традиционного типа воспроизводства (высокая рождаемость и высокая смертность с постепенным снижением показателей смертности, 1-я и 2-я фазы демографического перехода);

— переломный второй этап (1940–1950-е гг.) был связан с утверждением модели простого воспроизводства — 3-я фаза;

— третий этап (1960–2010-е гг.) характеризуется старением населения и формированием модели суженного воспроизводства (4-я фаза), которая задавала негативный тренд динамики численности населения.

Вместе с тем рассмотренные выше процессы, иллюстрируя закономерности демографического периода, не объясняют быстрого роста

населения Свердловска. Естественный прирост населения города на протяжении всего изучаемого периода оставался низким: в начале XX в. из-за высокой смертности населения, особенно в детском возрасте,²¹ позднее начались структурные сдвиги, связанные с изменением режима воспроизводства.

Мигранты и этническая структура Екатеринбурга

Основным источником роста населения города была и остается миграция. По данным переписи 1897 г., более половины населения Екатеринбурга (59,7%) родилось в других городах уезда (38,4%) или в других губерниях (21,3%).²² Близкие показатели зафиксировала перепись 1926 г.: из 136 420 свердловчан 54 197 чел. (39,7%) были местными уроженцами, а 60,3% — выходцами из других мест.²³ Индустриализация, а затем и коллективизация закрепили эту тенденцию и внесли коррективы в миграционные потоки за счет широкого применения принудительных и организованных форм трудовой миграции.

Свой отпечаток на структуру населения и социальный портрет жителя Свердловска наложили репрессии. В 1930-е гг. Урал стал местом ссылки и заключения для сотен тысяч репрессированных. По состоянию на 1 января 1938 г. из 226 386 чел., состоящих на учете в Уральском регионе, в Свердловской области было сосредоточено 71,5% ссыльных.²⁴ Ряд спецпоселков размещался на территории крупных городов области, в том числе Свердловска. Труд спецпоселенцев использовался при строительстве Уралмаша. В 1941 г. в пос. 323 кв., приписанном к Уралмашу, насчитывалось 523 чел., в пос. совхоза «Исток» — 939 чел., на торфопредприятии в пос. Широкая Речка — 223 чел., в пос. Новострой и Московский, занятых на строительстве предприятий НКСМ, — 1 561 чел.²⁵

Во второй половине XX в. меняются формы, направления миграции и состав мигрантов:

шел приток населения из сельской местности, а также из южных трудоизбыточных регионов страны, влиявший на социокультурный облик горожанина и менявший этническую ситуацию в городе.

Нужно отметить, что изначально Екатеринбург формировался как мононациональный город с вкраплением представителей европейских народов, которые приезжали в XVIII в. на Урал в качестве специалистов, а в XIX — начале XX в. как ссыльные (поляки) или пленные (австрийцы, чехи, немцы). Каждое из национальных сообществ Екатеринбурга того времени имеет свою историю, связанную с различными аспектами политической и экономической жизни Российской империи. Так, например, в строительстве и налаживании производства на заводе Екатеринбурга в 1723–1734 гг. участвовало 62 иностранца (с которыми прибыли также члены их семей): чиновники, офицеры, медики, специалисты металлургического и горнорудного профиля — преимущественно немцы и шведы лютеранского вероисповедания.²⁶ Большинство из них временно проживало в городе, работая по контракту, но часть оставалась навсегда.

По переписи 1897 г., в Екатеринбурге числилось 316 немцев, 270 поляков, 21 француз и 33 англичанина.²⁷ Помимо европейцев, в городе проживали татары (584 чел.), евреи (212 чел.), башкиры (58 чел.). Если татары, башкиры, марийцы, а также отмеченные в переписи коми были представителями местных народов, то латыши, литовцы, украинцы, белорусы, евреи прибыли сюда из других губерний, привлеченные возможностями растущего города.

Русское население по численности преобладало, доминируя на протяжении всего изучаемого периода, хотя и с незначительным сокращением удельного веса: в 1897 г. доля русских составила 96,2%, в 1939 г. — 90,8%, в 1959 г. — 88,9% и в дальнейшем сохранялась практически на том же уровне (например, в 2010 г. она насчитывала 89,0%).²⁸ В пределах оставших-

²¹ См.: Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Торвальдсен Г. Т. Смертность православного взрослого населения Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 224–245.

²² См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 31. С. 2.

²³ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Т. 38. Отд. 3. М., 1930. С. 179.

²⁴ Расчет проведен по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 214–220; Д. 257. Л. 104; Д. 435. Л. 134.

²⁵ См.: Там же. Оп. 1. Д. 89.

²⁶ См.: Редин Д. А. Иностранцы выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 5. С. 1695–1717.

²⁷ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 31. С. 94, 95.

²⁸ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения. Т. 31. С. 94–97; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. М., 1928. Т. 4. Отд. 1. С. 129, 130; База данных «Свердловск. Перепись 1959 г.» // ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 23–24.

ся 10 % в советский период шло постепенное замещение одних национальных групп другими. В раннесоветский период в условиях Гражданской войны и индустриализации усиливается приток сельского населения из районов Среднего Урала и прилегающих к нему регионов Урала и Поволжья, что отразилось на национальном составе жителей Свердловска: в 1926 г. второе место по численности занимали евреи (3 989 чел. / 2,9 %), далее шли татары (2 972 чел. / 2,2 %), поляки (632 чел. / 0,5 %), украинцы (493 чел. / 0,4 %) и белорусы (176 чел. / 0,13 %), латыши (168 чел. / 0,12 %), немцы (297 чел. / 0,2 %), поволжские народы (удмурты, чувашаи, коми, марийцы, мордва — 125 чел. или 0,09 %).²⁹

К 1939 г. в 16 раз выросла численность украинцев, достигнув 7 952 чел., их удельный вес составил 1,9 %, в 12 раз — белорусов (2 152 чел. / 0,5 %) (Урал стал для них одним из мест ссылки). В несколько раз в структуре населения Свердловска увеличилась численность народов Поволжья, их удельный вес вырос с 0,02–0,04 % до 0,1–0,6 %. Напротив, в сравнении с 1926 г. заметно снизился удельный вес немцев (с 0,2 до 0,1 %), поляков (с 0,5 до 0,2 %), евреев (с 2,9 до 1,9 %).³⁰ Численность татар в абсолютных показателях в советский период стабильно росла, но удельный вес сохранялся примерно на одном уровне: в 1926 г. — 2,2 %, в 1939 г. — 2,7 %, в 1959 г. — 2,0 %, к 2010 г. — достигнув 3,7 %.³¹

По переписи 1959 г., помимо русских, наибольший удельный вес в населении Свердловска имели евреи (3,9 %), татары (2,0 %), украинцы (2,4 %). Удельный вес немцев сократился до 0,06 %, поляков — до 0,04 %. Доля мордвы, удмуртов, марийцев, чувашей, коми осталась примерно на уровне 1939 г. и составила от 0,1 до 0,5 %.

В послевоенный период наряду с выходцами из села растет приток мигрантов из южных регионов. В 2000-е гг., когда иссякли демографические ресурсы сельской местности, подпитывающие город, миграция из бывших советских республик, расположенных в Закавказье и Средней Азии, а также Украины стала основ-

ным источником роста населения Екатеринбурга, заметно изменив его этнорелигиозный ландшафт.

По данным переписи 2010 г., в структуре населения Свердловска помимо традиционно представленных национальных групп (русские — 89,0 %, татары — 3,8 %, украинцы — 1,03 %, евреи — 0,35 %, башкиры — 0,95 %, марийцы — 0,5 %), формируются сообщества азербайджанцев (0,5 %), армян (0,4 %), таджиков (0,5 %), узбеков (0,3 %), усиливая исламскую общину.

Таким образом, анализ динамики этнической структуры Екатеринбурга — Свердловска позволяет опосредованно судить об интенсивности и направленности миграционных потоков и их влиянии на количественные и качественные характеристики населения.

С начала XX века Екатеринбург (Свердловск) прошел путь от уездного торгово-промышленного города до мегаполиса, преодолев в конце 1960-х гг. миллионный рубеж и войдя в число крупнейших городов СССР. Он стал ядром Свердловской агломерации — четвертой по величине в России.

Демографическая динамика города определялась совокупностью факторов: промышленным потенциалом, административным ресурсом, транспортной доступностью. Немаловажное значение имел уровень развития городской среды, который повышал миграционную привлекательность города, поскольку миграционный приток в первую очередь обеспечивал высокие темпы роста населения города. Благодаря ему и несмотря на все демографические катастрофы XX в., Екатеринбург рос, меняя свой социально-демографический портрет и сохраняя демографический потенциал.

Особенностью демографического перехода в городе были растянутый начальный этап, который занял около 100 лет, стремительный переломный второй этап (1940–1950-е гг.), связанный с утверждением модели простого воспроизводства, и продолжительный третий этап (1960–2010-е гг.), когда проявляется важная тенденция, связанная со старением населения. Пока он остается незавершенным. Каким Екатеринбург станет в ближайшие десятилетия? Сохранит ли динамику роста или «сойдет с дистанции», довольствуясь ролью регионального центра? Будущее покажет.

²⁹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. М., 1928. Т. 4. Отд. 1. С. 129, 130.

³⁰ См.: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 341.

³¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. М., 1928. Т. 4. Отд. 1. С. 129, 130; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 341; База данных «Свердловск. Перепись 1959 г.» // ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 23–24.

Специфика второго этапа демографического перехода также проявляется в пересечении и синергетическом взаимодействии нескольких демографических процессов, влияющих на динамику численности населения крупного промышленного города и интерпретируемых в контексте теорий трех де-

мографических переходов: в 1940–1950-е гг. происходит не только смена режима воспроизводства, но и трансформация модели семейно-брачного поведения (второй демографический переход) на фоне усиления роли миграционного фактора (третий демографический переход).

Lyudmila N. Mazur

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: LN.Mazur@urfu.ru

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF EKATERINBURG
(LATE 19TH — EARLY 21ST CENTURY)

The article analyzes the demographic dynamics of Ekaterinburg — Sverdlovsk based on the population censuses. As an additional source for the 1959 census, not only official results were used, but also a database compiled on the basis of census forms preserved in the archive. Changes in the sex and age structure of the population, as well as in the national composition, were studied. Particular attention is paid to the characterization of the features of family-marital behavior and related processes: nuptiality, fertility, and divorcement. Based on the analysis of time series, the main stages of the demographic transition were clarified, and their specificity was characterized. A feature of the demographic transition of Ekaterinburg — Sverdlovsk was an extended initial stage, which took a total of about 100 years; the rapid turning point of the second stage (1940–1950s), associated with the establishing of the model of simple reproduction; and a long third stage (1960–2010s), when the main trend associated with the aging of the population is smoothed out due to the influx of migrants from labor-surplus regions. The role of external migration in maintaining the high growth rates of the city's population should be emphasized. Among the factors that determined the demographic processes, we also considered the administrative resource, which contributed to the development of the city's economy and formed a demand for population growth.

Keywords: *Ekaterinburg, Sverdlovsk, population, age and sex structure, national composition, family, family and marriage behavior, administrative status, 20th century*

REFERENCES

- Avdeev A. A. [Marriages and divorces in Russia]. *Narodonaseleniye* [Population], 1998, no. 2, pp. 3–13; 1999, no. 1, pp. 27–43. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303190500_Braki_i_razvody_v_Rossii_Narodonaselenie_1998_No2_s3-13_i_1999_No1_s27-43 (accessed: 13.12.2021). (in Russ.).
- Bobitsky A. V. [Population of Ekaterinburg according to a one-day census of 1873: experience and prospects of using the source]. *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: sb. statey XII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Paradigms and models of demographic development: a collection of articles of the 12th Ural Demographic Forum]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 2021, vol. 1, pp. 31–39. DOI: 10.17059/udf-2021-1-4 (in Russ.).
- Ekaterinburg. Listaya stranitsy stoletiy (1723–2008)* [Ekaterinburg. Flipping through the pages of the centuries (1723–2008)]. Ekaterinburg: ID “Sokrat” Publ., 2008. (in Russ.).
- Ekaterinburg: Entsiklopediya* [Ekaterinburg: Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2002. (in Russ.).
- Ekaterinburg: Istoricheskiye ocherki (1723–1998 gg.)* [Ekaterinburg: Historical Essays (1723–1998)]. Ekaterinburg: Izd-vo “Ekaterinburg” Publ., 1998. (in Russ.).
- Glavatskaya E. M., Bakharev D. S., Thorvaldsen G. T. [Mortality of the orthodox adult population in Ekaterinburg during the late 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2021, vol. 23, no. 4, pp. 224–245. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.4.076 (in Russ.).
- Glavatskaya E. M., Bobitsky A. V., Zabolotnykh E. A., Vishnevskaya A. V. [Nuptiality in early 20th century Yekaterinburg: quantitative analysis]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2021, vol. 23, no. 4, pp. 246–255. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.4.077 (in Russ.).

tarnyye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2019, vol. 21, no. 3 (190), pp. 104–121. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.3.050 (in Russ.).

Korepanov N. S. *Ocherki istorii Ekaterinburga* [Essays on the history of Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Socrat Publ., 2004. (in Russ.).

Korepanov N., Blinov V. *Gorod posredine Rossii* [City in the middle of Russia]. Ekaterinburg: Socrat Publ., 2005. (in Russ.).

Kornilov G. E. [The population of Sverdlovsk during the war]. *Rossiiskaia Istorია* [Russian History], 2010, no. 4, pp. 94–107. (in Russ.).

Kornilov G. E. [The Three-Hundred-Year Demographic History of Ekaterinburg: Sources and Historiography]. *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: sb. statey XII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Paradigms and models of demographic development: a collection of articles of the 12th Ural Demographic Forum]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 2021, vol. 1, pp. 91–100. DOI: 10.17059/udf-2021-1-12 (in Russ.).

Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G. [Historical and demographic portrait of Ekaterinburg]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia. Ural State University Journal], 1998, no. 9, pp. 95–100. (in Russ.).

Mazur L. N. [Demographic catastrophes as a factor of transformation of the peasant family in Russia in the first half of the 20th century]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2019, vol. 21, no. 3 (190), pp. 168–187. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.3.054 (in Russ.).

Mokerov I. P., Susloparov D. G. *Demograficheskiye protsessy v Ekaterinburge (proshloye, nastoyashcheye, budushcheye)* [Demographic processes in Ekaterinburg (past, present, future)]. Ekaterinburg: B. i., 1996. (in Russ.).

Naseleniye Urala. XX vek [The population of the Urals. 20th century]. Ekaterinburg: Izd-vo “Ekaterinburg” Publ., 1996. (in Russ.).

Ocherki istorii Sverdlovskaya [Essays on the history of Sverdlovsk]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye kn. izd. Publ., 1958. (in Russ.).

Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. *Sovremennyy ekonomicheskyy slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow: Izd. dom “INFRA-M” Publ., 1999. (in Russ.).

Redin D. A. [Foreign Nationals in Yekaterinburg: At the Dawn of the City's Social Organisation]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 1695–1717. DOI: 10.15826/qr.2020.5.553 (in Russ.).

Ural v panorame XX veka [The Urals in the panorama of the 20th century]. Ekaterinburg: SV-96 Publ., 2000. (in Russ.).

Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 1998. (in Russ.).

Vekhi istorii. K 250-letiyu Sverdlovskaya [Milestones of history. To the 250th anniversary of Sverdlovsk]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye kn. izd-vo Publ., 1973. (in Russ.).

Для цитирования: Мазур Л. Н. Особенности демографического развития Екатеринбургa в конце XIX — начале XXI в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 131–143. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143.

For citation: Mazur L. N. Features of the demographic development of Ekaterinburg (late 19th — early 21st century) // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 131–143. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-131-143.